Куриная рать, или Ешь пирожок с грибами, а язычок держи за зубами

Жил-был мужичок Нил со своею женою Ненилою; жили они ладно-повадно, хорошо-весело, да только вот беда: баба Ненила много поговорить любила — на язычок невоздержана была! Чтобы Нил ни сделал, что бы Нил ни купил — про все это известно у соседей кругом за версту.

Говорил Нил жене частехонько: «Эй, баба! Попридержи язык! Когда-нибу дь он тебя до беды доведет!» Язык, правда, доводит до Киева, но и до кия, то есть до палки, — говорит пословица.

Баба Ненила иногда будто и слушается таких речей, обещается, бывало, молчать, а там, глядишь, и позабудет опять. Только что-нибудь сделается или Нил, приехавши с торгу, скажет что-нибудь новое — она уже и побежала рассказывать.

Досадно Нилу на свою бабу. Ну, рассудите сами: хорошее ли дело пересказывать всем, что только ни услышит; таких болтунов никто не любит, никто не хочет с ними знакомства водить, всякий обегает.

Вот поэтому и Ненилу прежде, бывало, в гости зывали, принимали все, а как узнали, что она любит пересказывать (она ведь не только что у себя делается пересказывала, а что у кого ни заметит, сейчас уже к другим соседям и пошла с вестями), теперь никто и не просит к себе; и Нилу-мужичку в глаза говорят: «Ты, милости просим, когда хочешь, мы тебе рады, а Ненила, воля твоя, чтобы и носу не показывала: она очень болтлива и пересуждать охотница!»

Так досадовал наш Нил и Ненилу бранил; она исправиться каждый раз обещала, а сама все не исправляется. «Постой же думает он. — Тебя речами не возьмешь, так я поступлю иначе».

Вот один раз купил он чугун, взял насыпал его золою, тихонько, чтобы жена не видала, отнес в лес и зарыл под деревом. Пришел домой и говорит: «Ну, Ненила, — я клад нашел, да одному не дается — пойдем вместе возьмем». — «Как клад? Какой? Где?» А сама уж сейчас же и вздумала: «Вот будет чего пересказать!» — «Вон там, в лесу, — говорит Нил. — Пойдем нынче

ночью, выкопаем. Да только, Ненила, пожалуйста, будь поскромнее, не говори никому про это: ведь знаешь, что лес тот чужой, а не наш; так и клад у нас отымут, и нам за это больно достанется». — «Не бойся, не бойся, никому не скажу», — и стала Ненила божиться... Уж у кого язык невоздержан, тот и божиться понапрасну охочь!

«Не божись, я и в долг поверю!» — говорил Нил, смеясь себе на уме и зная, что болтливая баба никак не утерпит, чтобы не рассказать кому.

Пришла ночь; взял заступ Нил и отправился в лес с Ненилою.

Пришли к дереву, стали копать и выкопали котел чугунный, крепко крышкой прикрытый, который Нил накануне зарыл.

«Открой же, Нил, — говорит Ненила, — дай посмотреть, что в котле лежит!» — «Чему быть, кроме денег. Вот постой-ко, я потрясу!» Вынул Нил тихонько из-за пазухи свой кожаный кошель с медными деньгами — и ну о котел постукивать. «Вишь, — говорит, — как звенят, так и пересыпаются». — «Да открой, посмотрим! — пристает Ненила. — Открой, пожалуйста! Какие деньги там?» — «Что тут открывать — ночь темная, ничего не рассмотришь, а пожалуй, еще застанет кто-нибудь — уж лучше дома постараемся». — «Да мне бы только взглянутъ, какие деньги там». — «Какие! Вестимо, золотые: медные не станут в такой кованый котел хоронить да в землю закапывать».

Прыгает Ненила от радости, и не то ей больше любо, что деньги нашли, а то, что думает она, — после — ну, хоть год спустя, после ведь можно будет рассказывать?.. То-то весело! Котел вскрыл да показал, какие деньги там и сколько их; ведь кто болтлив, тот и любопытен — дело известное!

Пришли домой; опять Ненила пристает: к Нилу, чтобы он показал.

А Нил ее уговаривает. «Подожди до завтра, — говорит, — теперь рассвет скоро; ну, если кто к нам в избу войдет да увидит деньги у нас; ведь подумают, что мы их украли где-нибудь; так уж лучше завтра ночью мы раскроем нашу находку да и перечтем».

Делать нечего, Ненила согласилася. Только с тем, чтобы в следующую ночь непременно считать. «Ладно! — говорит Нил. — А теперь пока, Ненила, выгреби-ко всю золу из печи, да насыпь в мешок, я с собою возьму на поле». — «На что это тебе?» — спрашивает Ненила. — «А вот, — отвечает Нил, — я посею ее — так у нас дрова вырастут; и чем мне в лес-то ходить, мы их дома будем иметь».

Ненила рот разинула от удивления — да как это можно, чтобы из золы дрова выросли? «Что ж мудреного ? — говорит Нил. — Стоит только щучьим навозом занавозить. Так мне один умный старичок сказывал».

И Ненила всему этому поверила: ведь кто болтлив, тот и глуп, это всегда так! «Экое дело диковинное, — рассуждает она сама с собой. — Поди ты, чего народ не придумает: вишь, из золы дрова вырастут! Попробовала бы я, кажись, да только не знаю, где щучьего навозу достать».

Нил котелок под печкой зарыл и не велел Нениле до него дотрагиваться; сам взял мешок с золою и понес его вытряхнуть куда-нибу дь в место укромное.

Ненила, оставшись дома, хотела бы котелок открыть — да не смела, мужа боялась; а думавши-думавши долго, все-таки не вытерпела и стала сбираться к соседям. «Пойду, — думает, — скажу только одной знакомой своей женщине и попрошу, чтобы она никому не пересказывала». Экая ведь болтунья, никак не терпится!

Только было она со двора — как вдруг Нил в избу бежит. «Куда ты, Ненила?» — «Да так, сходить недалеко». — «Не выходи, пожалуйста, коли боишься умереть! Посмотри, какое дело сделалось страшное…» И говоря это, Нил притворился, что будто он ужасно чего-то оробел. «Да что такое?» — «Идет куриная рать!» — «Как, что такое? Как так?» — «Да так! Куриная рать хочеть приступать, наше село брать; у нас бабы все попрятались — видимо-невидимо кур, число бесчисленное, так кишмя и кишат — точно всех заклевать хотят!.. Не выходи пока, пожалуйста: нам, мужичкам, воевода велел всем поголовно с дубьем собираться, от кур обороняться, а бабы все попрятались». — «Спрячь же, Нил, и меня поскорей!» — сказала Ненила, испугавшись. «Да куда же тебя спрятать? Разве в погреб пока, что я выкопал! Да ведь у него творила нет; ну, да я пока прикрою чем-нибудь; пойдем же скорей!»

Побежала Ненила опрометью; посадил ее Нил в погреб, покрыл ее лубками, рассыпал на нем гречи да накликал кур и своих и чужих; они клюют, долбят в лубок, а Ненила в яме слушает да приговаривает: «Ахти, батюшки-светы, как бы скорей беда прошла!.. Вот до чего дожили: куры войной идут!.. Что-то они у нас теперь на селе понаделали, как бы узнать… Вишь, как стучат — знать, их тьма-тьмущая!»

Прошло полчаса; поклевали куры гречу, согнал их Нил тихохонько, подошел к яме, приподнял лубок и спрашивает: «Ненила! Жива ли ты?» — «Ничего, жива, а ты что?» — «Да я уцелел кое-как, вылезай теперь».

Вылезла Ненила. «Ну что, — говорит, — чай, страшно было?» — «Да так-то страшно, что воевода с перепугу на медведе ускакал». — «А ты где же это видел?» — «Я под стог сена залез да оттуда и смотрел; теперь ничего: рать рассыпалась по деревне, поклевала кое у кого да пошла в другое село; ступай теперь в избу, а я на поле пойду».

Пошла Ненила в избу, оделась на скорую руку и побежала к соседям происшествие разузнать и свое рассказать.

Только прибежала и спрашивает: «Ну что, где куриная рать?» — «И, полно, Ненила, врать, опять ты с пустяками пришла». — «А, — говорит Ненила, — видно, сказать не хотите, что перепугалися; так ладно же, и я не расскажу, как мы с Нилом клад нашли!» — «Какой клад?» — «Да уж такой, какие бывают: котел с деньгами». — «Где же вы нашли?» — «Вестимо, не в деревне, а в лесу…» — «Как же это, расскажи, пожалуйста».

Недолго Ненила отнекивалась — начала говорить, прежде намеками, а уж там так разболталась, что уж, говорит, и золото сама прятала, и даже сказала, куда муж Нил и котел зарыл.

Порассказала Ненила да ушла, а между тем соседи начали между собою переговариваться: прежде не совсем верили, а после говорят: «Да что мудреного, Ненила болтунья, а не лгунья, ведь она много, бывало, выболтает, что и вправду делалось», — и стали соседи завидовать Нилу, а из зависти захотели ему и вред сделать; донесли воеводе, что вот так и так: нашел Нил клад с Ненилою, и никому об этом не говорят и не хотят дать про это воеводе знать; он было сам распорядился — сколько за труды оставить Нилу, а сколько взять на мир, то есть на всех тамошних поселян, потому, дескать, что земля мирская — так все, что в ней ни найдется, надо всем делить.

Вот к вечеру, когда Ненила собиралася Нила уговаривать котелок вскрыть да деньги пересчитать, вдруг пришел в их избу посланный от воеводы, чтобы явились к нему немедленно.

Ненила не понимает, зачем это, уж Нил смекнул: он видел, как баба к соседям ходила; оделся в одну минуту и отправился с Ненилою.

Пришли к воеводе.

«Где и какой ты клад нашел?» — спрашивает воевода у Нила. «Какой клад? Я никакого клада не находил». — «Да вот жена твоя рассказывала на деревне; вот слышали Фоминишна, Федуловна, Макаровна... Вот они налицо; вы, бабы, слышали?» — «Как же, батюшка, слышали!» — отвечали бабы, которым Ненила про клад рассказывала. «Ведь ты, Ненила, говорила, что вы клад нашли?» — спросил воевода.

Ненила видит беду неминучую: и сказать беда, и не сказать нельзя. «Это, — говорит, — Я ... так сказала...» — «Как так? — сказал воевода, — так ты обманывала?» — «Нет, я не обманывала, да это ... это я так... » — и не знала, что сказать Ненила, как вывернуться.

«Говори толком! — закричал воевода еще сердитее прежнего. — Нашли ли вы клад с Нилом или нет? Да не лги, смотри, не то плохо будет». — «Нашли!» — едва проговорила Ненила.

«Ну, как же, Нил? — спрашивает опять воевода, обращаясь к нему. — Ведь вот Ненила говорит при тебе, что вы нашли деньги». — «Она лжет, кормилец, какие у нас деньги; да если не верите, извольте приказать обыскать везде, всю избу осмотрите — никаких денег нет, кроме — что я на оброк приготовил вашей милости». — «Ладно, — сказал воевода, — надо поискать, если ты не сознаешься! Ну, Ненила, муж твой запирается; скажи же ты откровенно — тебе бояться нечего, я тебя награжу за это, — скажи, куда вы деньги спрятали?» — «Они у нас в котле под печкой стоят!» — отвечала Ненила, потупившись, стыдно ей против мужа, а боится утаить перед воеводою. «Ну вот, Нил, ведь их найдут — нехорошо будет тебе, очень нехорошо! Вот Ненила будет права затем, что призналася, а у тебя и деньги возьмут, и тебя же накажут — не ври вперед!» — «Да я и не лгу совсем, я не знаю, что это Нениле вздумалось выдумывать, какие у нас деньги? У нас под печкою стоит котел с золою, да она сама же его туда и поставила; еще я спрашивал: на что ты золу выгребаешь в котел да под печь хоронишь, что такая за невидаль? Она говорит — уж я знаю на что». — «А вот мы увидим», — сказал воевода, усмехаяся, и послал сыщиков осмотреть у Нила избу, а сам продолжал расспрашивать: «Так а как же, Ненила, муж говорит, что, вишь, там зола лежит, вишь, ты сама ее наклала — ведь это он тебя лгуньей хочет сделать».

Нениле стало досадно на Нила. «Сам он лгун, кормилец, я никой золы под печь не ставила». — «Как же? — спросил Нил ее. — Из печи что ты выгребла

— куда ж девала?» — «Ты велел ее в мешок насыпать да хотел взять с собой». — «А на какой мне рожон зола твоя!» — «Да ты ее сеять хотел». — «На что это?» — «А чтобы дрова выросли!» — «Как! — вскричал воевода. — Что такое? Сеять золу, чтобы дрова выросли?.» — «Да, кормилец, — отвечала Ненила скороговоркою. — Он еще секрет знает, да сказать не хочет; если, видите, золу посеять да щучьим навозом занавозить, так на будущий год на том месте дрова вырастут». — «Как так?» — «Вы только послушайте ее, батюшка, — прибавил Нил. — Она от болтовни помешалася: вишь, из золы дрова вырастут, эко что несет! А мне городила, что у ней, видите, из золы выйдет мука крупичатая!.. Я только рукой махнул: пусть болтает, что хочет, не спорить с нею стать... Мне уж в привычку слушать ее речи глупые!»

В эту минуту сыщики возвратились и принесли котел с золою и поставили перед воеводою. «Вот, изволите видеть», — сказал Нил.

Воевода только плечами пожал: «Как же это так, какой же это вы клад нашли?»

И начала Ненила рассказывать, как они за кладом ходили и проч.; и как дошла до того, что пришла куриная рать и воевода на медведе уехал, а Нил под стогом сена лежал, то воевода закричал на нее так, что она не знала, куда и деваться.

И кончилось все тем, что Нила домой отпустили и пожалели, что у него такая жена болтливая, что житья с нею нет, а Ненилу таки поучили уму-разуму — угостили дубовой кашицей с березовым маслом! Ведь кто болтлив, того бьют — это уже всегда так водится. И посадили на три дня на хлеб да воду, чтобы она одумалась и болтать впредь перестала.

Да, впрочем, никто ей ни в чем больше и не верил, если бы она и говорила что. Бывало, только Ненила раскроет рот, чтобы рассказать что-нибудь, а ей сейчас и скажут: «Что, Ненила, или опять куриная рать идет?» И замолчит со стыда моя Ненила — делать нечего.

И. Ваненко «Народные русские сказки и побаски. Кн. 1-2» (М., 1847-1849).